

Ана Платэк

Мой
МОЛЧАЛИВЫЙ
БОГ

Ана Платэк

Мой молчаливый Бог

<https://litres.ru/74571007>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Если бы я мог выразить это словами, не было бы причин рисовать."

Эдвард Хоппер

Содержание

Глава 1 Тоскана. Лукка	4
Глава 2 Спасение	11
Глава 3 Гости	16
Глава 4 Долина	24
Глава 5 Учитель	35
Глава 6 У любви чёрное лицо	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ана Платэк

Мой молчаливый Бог

Глава 1 Тоскана. Лукка

Если бы я мог выразить это словами, не было бы причин рисовать. – Эдвард Хоппер

Алессио

За мягкой дымкой, стелющейся призрачным покрывалом, плыл багровый горизонт. Кудрявые деревья тянулись к облакам и утопали изумрудными кронами в тумане, как будто их густые шевелюры обмакнули в густые взбитые сливки. Дышалось легко, глубоко и вкусно. Да так, что хотелось с каждым новым вздохом забрать ещё больше кислорода в лёгкие, ещё и ещё. Но увы моё тело не могло принять все запахи и оттенки сразу. Так продумана кем-то человеческая жизнь. До мельчайших деталей, до количества вдохов и выдохов. Ни больше ни меньше.

Я повернул лицо в сторону лёгкого, слегка влажного ветра. Я любил жизнь безмерно. Я мог смотреть, мог дышать и мог быть зрителем этого бесконечного театра энергии и красоты.

Моё имя Алессио Мариани, в моих руках бумажный свёрток с бутылкой любимого вина моей матери, прямиком с

винного погреба нашей семейной винодельни, а за плечами рюкзак с красками и любимыми старыми кистями, торчащими из тубуса, как стрелы из колчана. Мне следовало поторопиться, чтобы успеть к ужину, но я как всегда не мог спокойно пройти мимо любимого места на холме нашей виноградной плантации.

Тихо ступая по выжженной солнцем тропе, я неторопливо направлялся к дому. Поместье семьи Мариани было известным на всю округу. Несколько веков оно принадлежало нашей семье, как и плантации виноградников, простирающихся на запад на несколько километров. Вилла была построена моим прапрадедом из жёлтого, будто отлитого из солнца камня. Многоярусная черепичная крыша красного цвета покрывала его от края до края. По стенам вилась виноградная лоза и цветущий плющ, из маленьких трещин в стенах пробивались карликовые розы. Длинная узкая дорога серпантинном спускалась прямо в долину. Многочисленные стволы кипарисов, земляничных деревьев перемежались с нежной оливой. С холма, насколько хватало глаз виднелись лимонные рощи и виноградники, купающиеся в лучах солнца. Если на земле и был рай, то это точно был он. И я был частью этого рая.

На душе теснилась радость вперемешку с еле ощутимым волнением. Завтра наступит день, которого я ждал очень долго. В наши края приезжает известный и очень ценимый мной, художник Армандо Манчини. В моей комнате были

развешаны репродукции его самых известных полотен. Никто не рисовал Тоскану так, как синьор Армандо. Живые и пропитанные солнечным теплом работы наполняли мою комнату теплым ветром и запахом олив. И это делало меня вдвойне счастливым. Я преклонялся перед своим учителем, почти как перед Богом. А Боги, как известно не часто спускаются на землю.

С открытой веранды дома, увитой плющом и виноградной лозой, раздавался громкий и нежный голос моей матери. Она была невероятно быстра в движениях и словах. Говорила за всех сразу, если кто-то не успевал сказать своё слово раньше. Я иногда ловил себя на мысли, что она говорила так быстро, потому что я не мог говорить с самого детства. После пожара в доме бабушки я замолчал. Никаких патологий врачи после многочисленных исследований не нашли и списали всё на нервное расстройство. Поэтому моя мама говорила и за меня, и за себя сразу. Как будто чувствовала вину за моё молчание. Конечно же все родные знали язык жестов, и чувствовали мои слова чаще до того, как я успевал их показывать. Матушка могла, не смотря в мои глаза, уловить моё настроение и расслышать немой вопрос. С ней я не чувствовал себя «не таким», меня понимали с каждого несказанного мной полуслова.

- Мне не нужно смотреть на часы, мой мальчик, мне достаточно глупой улыбки, чтобы понять, что ты делал и почему мы тебя ждём вместе с бутылкой уже битый час. Закат сно-

ва был очень красив? Каждый краше предыдущего, - улыбнувшись мне, мама повернулась в сторону кухни. Её щёки порозовели от жара старинной каменной печи, из которой она доставала свежеиспечённую чабатту. Разложив хлеб на широком блюде с каймой, украшенной райскими птицами, она вынесла его на террасу.

- Винченсо, зови Микеле за стол, Алессио вернулся, - вытирая руки о белый фартук, синьора Энрика нетерпеливо постукивала красной туфелькой по кремовой плитке котто на полу веранды и смотрела на отца. Широкий дубовый стол был застелен скатертью лимонного цвета. Свежеиспечённый хлеб, сыр, вино, овощи и фрукты занимали центр стола. Рубленое мясо с обжаренными овощами и томатный суп были разложены по тарелкам и дымились, распространяя запахи от которых мой желудок свело за секунду.

В семье я был четвертым ребенком, самым младшим. Две мои сестры уже вышли замуж и ждали своих первенцев. После свадьбы они сразу же переехали жить к своим мужьям, также выросшим в старинных итальянских семьях. В отличие от меня, сёстры были идеальным примером для подражания. В меру красивы, в меру умны и очень воспитаны. Идеальные дети.

С родителями остались жить я и мой старший брат Микеле. Брат безумно любил плантацию и имел завидную страсть к виноградникам. Синьор Винченсо гордился им, уж ему то спокойно можно было передать плантацию и идти на заслу-

женный покой, не боясь, что дело нескольких поколений твоей семьи развалится на глазах. Высокий, с широкими плечами, тонкой талией и мощными руками, Микеле вызывал дикий восторг у местных девушек, которые часто забегали на нашу плантацию «просто поглазеть». Всегда улыбающийся и часто подшучивающий надо мной брат, казалось был счастлив всегда везде и всюду, и непременно просто так, без причины. Жениться он не торопился, и всем девушкам уделял внимание одинаково и с удовольствием.

А что же я? Я был другим. В свои 24 года, закончив художественную школу, я целыми днями рисовал. Конечно же молча. Развивать семейное дело, как и полагается мужчине рода Мариани я был не готов. И дело было не в лени, как вам может показаться. Это просто было не моё. Я всегда помогал, когда была нужна моя помощь, но каждодневный труд на полях и в винодельне делали меня несчастным, я не мог найти себе места и метался из угла в угол. Мои руки каждый миг тянулись к кисти и уединению. В одиночестве я ощущал себя полноценным и здоровым человеком. Родители очень любили меня и принимали моё желание уединяться безоговорочно. И я был благодарен им за это.

Закончив ужинать, мы расслабленно сидели за столом, попивая вино и тихо беседуя. Это было особой традицией. Мама всегда говорила, что рассуждать о важных и не очень важных делах, решать семейные проблемы нужно непременно только на сытый желудок. Поэтому каждый раз после ужина,

мы наливали в бокалы вино и обсуждали дела нашей семьи, никуда не торопясь.

- Энрика, сегодня вечером должны привезти свежий сыр. Я попросил синьора Маттео оставить нам побольше кусков. Новые сорта сыра отличные, им пора выходить на более крупный рынок с такой отличной продукцией, а они чего-то ждут. Я знаю откуда тут ноги растут. Это всё супруга Маттео переживает и боится рисковать. А как же без рисков, без них никак в любом бизнесе, - отец вытер капли пота, стекающие со лба, тыльной стороной руки.

- Значит пару ящиков вина завтра утром Микеле завезёт перед работой. Армандо должен приехать после обеда, так что всё успеем, не переживай, - отец приложил салфетку к губам и откинулся на кресле качалке, вытянув длинные ноги. Синьора Энрика внимательно слушала мужа и что-то мысленно подсчитывала в уме, загибая пальцы на руках.

Принимать гостей на вилле было очень важным и волнительным делом для каждой хозяйки, синьора Энрика не была исключением из правил. Насколько я знал, она вторую ночь не спала, продумывая меню для гостей. Все знали насколько это было важно для хозяйки дома.

Тем более что это были не просто соседи с прилегающих поместий, это был друг семьи и очень уважаемый человек. Художник, профессор в университете искусств, и мой горячо любимый учитель. Ещё в юные годы он заметил во мне страсть к смешиванию красок и попытки перенести окружа-

ющий мир на бумагу. Да, я не мог говорить, но в моём сердце бушевал ураган из чувств и эмоций, и я выбрасывал их на холст при любой возможности. Таков был я и мои близкие знали об этом.

Глава 2 Спасение

Наевшись досыта, и поблагодарив матушку, я не спеша поднялся в свою комнату. Закрыв за собой дверь, я на миг замер напротив репродукций Клода Моне. Как много света и воздуха в его работах. И ведь не каждый способен увидеть это в обыденном, не говоря о том, чтобы попытаться это скопировать. От ненавязчивых мыслей меня отвлек приближающийся голос матери.

- Алессио, дорогой, ты здесь? – запыхавшись от подъёма по лестнице, синьора Энрика заглянула в комнату. Непослушный чёрный локон упал на ещё гладкий лоб матери, она быстрым движением руки спрятала его под сетку и продолжила.

- Я хотела поговорить с тобой. Завтра, как ты знаешь, придет профессор Армандо. Но ты наверняка не слышал, что с ним придет его дочь, - матушка подняла брови кверху и многозначительно на меня посмотрела.

- Я очень рад, - жестами показал я и мысленно улыбнулся, увидев хитрое выражение лица мамы, еле скрываемое под маской беззаботности.

- Она совсем еще молода, недавно ей исполнился двадцать один год. Учится в парижской школе на дизайнера одежды. Очень хорошая девушка, - сделав небольшую паузу мама разгладила невидимые складки на фартуке.

- Что ж мой хороший, я пойду на кухню, нужно сделать ещё уйму дел, - подойдя ко мне, она нежно меня поцеловала и вышла из комнаты.

- Одень завтра что-нибудь.. из новой одежды. Ты у меня такой красивый мальчик, хочу, чтобы все это видели, - донесся голос из коридора и следом быстро удаляющиеся шаги синьоры Энрики.

- Особенно дочь синьора Армандо, - подумал я, мысленно посмеиваясь над мамой.

Я никогда не видел дочь учителя, и новость о том, что скоро её увижу слегка всколыхнула моё сознание. Во время наших совместных встреч с профессором всегда складывалось так, что его дочь в это время была где-нибудь в отъезде или на учёбе. Она просто где-то была, и я не задумывался встречу ли я её когда-нибудь лично. Пожав плечами, я решил об этом не думать. Всё равно поговорить мы не сможем. Наверняка она не знает язык жестов. Собрав в рюкзак всё необходимое для рисования, я одел шляпу и спустился на улицу. Солнце почти зашло за горизонт, непередаваемые краски полыхали в небе, отражаясь пламенем в траве. Тихо. Любимое время суток, когда наступала тишина и спокойствие.

Спустившись в долину, я не спеша подошёл к лимонной роще и скинул рюкзак с плеча. Мягкая золотая трава окутала мои ноги в кожаных сандалиях. Потянувшись за красками, я услышал шорох неподалёку от себя. Мелькнула мысль, о том, что это всего лишь дикая птица, и я занялся разведе-

нием красок, не особо отвлекаясь на шум. Непонятные звуки становились всё громче и громче. Опустив на раскладной столик, который я достал из рюкзака первым, палитру, я решил всё же проверить, что же происходит в нескольких метрах от меня. Любопытство победило.

Осторожно ступая, я пробирался между кронами деревьев и прислушивался к звуку. Вскоре в кустах я увидел рыжий хвост и маленькую лапку. Лисёнок. Ещё несколько шагов и моим глазам предстала не очень весёлая картина. Детёныш лисицы, с чёрными глазками бусинками, с пушистой, местами выдранной шёрсткой, испуганно смотрел на меня. Задняя лапка сломана и вывернута под неестественным углом. Животному было больно и страшно, это видно невооружённым глазом. Бедный лис пытался убежать увидев меня, но из-за сломанной лапы у него мало что вышло.

- Не бойся малыш, - сказал я про себя, мысленно пытаюсь его успокоить.

- Я не сделаю тебе больно, - поразмыслив и вспомнив что в рюкзаке есть небольшая скатерть из льна, я быстро сбегал за ней, и аккуратно приподняв животное, завернул его в ткань. Кажется, сегодня рисовать не получится. Ветеринаров в нашей округе нет, придётся спасать животное своими силами.

Собрав свои вещи одной рукой, я быстрым шагом направился к дому. Бережно прижимая к себе поскуливающего лисёнка, я чувствовал что-то необъяснимо щемящее в груди. Всей душой хотелось избавить от боли и успокоить несчаст-

ное животное.

Бросив рюкзак на террасе, я постучал ладонью по столу, пытаясь привлечь чье-нибудь внимание. Но мама видно была занята на кухне, а отец с Микеле отдыхали в своих комнатах.

Пройдя на кухню, я подошёл к маме и тронул её за плечо,
- Пресвятая Дева Мария, чуть богу душу не отдала, ты чего так крадёшься Алессио? Почему ты пришёл, что случилось?

Обеспокоенный взгляд синьоры Энрики окинул меня с ног до головы и остановился на свёртке в моих руках.

- Это ещё что у тебя?

- Мама, это лис, он ранен. Я нашел его в долине со сломанной лапой.

Эмоционально жестикулируя, я понимал, что мама может понять не всё, что я говорил, как ни удивительно даже руками можно проглатывать слова от волнения.

- Сейчас я принесу аптечку, иди положи его на стол.

Обработав все раны и внимательно осмотрев тело животного, мы по очереди менялись и наконец наложив импровизированную шину на лапу, удовлетворенно уселись пить чай. Лисёнка мама напоила молоком, а я, забрав толстый плед с дивана, положил его у себя в комнате. Устав от бесконечных тисканий и осмотров, рыжий гость уснул мёртвым сном.

- Ему повезло, что ты пошёл рисовать именно туда. До утра мог не протянуть. Дикие звери разорвали бы. - мама отставила чашку и вскочила

- Ох, что же я сижу Алессио, надо сходить за вялеными помидорами. Ты не сиди, поднимайся к себе и отдыхай. Ночь уже на дворе. Я сейчас закончу и лягу. Ты только послушай, как твой отец храпит, черепица стучит от такого храпа, - запричитала синьора Энрика с улыбкой на губах.

- Я люблю тебя мама, - подойдя к матери я притянул её к себе и нежно обнял. Она доходила макушкой мне до плеча, и я часто вот так стоял с ней, уткнувшись носом ей в волосы.

- И я люблю тебя сынок. Доброй ночи.

Лежа в своей постели, я долго не мог уснуть. Множество непонятных и беспокойных мыслей роились в голове, не давая покоя. Я ещё долго смотрел на полоску лунного света падающую из окна прямо на хвост лиса, отчего он казался золотым пятном в тёмной комнате. Наконец веки стали тяжелеть, и я провалился в сон.

Глава 3 Гости

Утро ворвалось в голову солнечным шумным пятном. Судя по звукам, доносившимся с первого этажа, родители всю готовились к приезду гостей. Громкий быстрый тембр маминого голоса казалось существовал как отдельная от человека живая субстанция, как ветер, который управлял предметами и людьми вокруг себя. Спустив ноги на ковёр у кровати, я посмотрел на пустой плед в углу, ночного гостя здесь уже не было.

Наскоро умывшись и одев хлопковую рубаху серого цвета и светлые брюки, я стремительно сбежал по лестнице вниз, на ходу приглаживая свои кудрявые непослушные волосы.

Увидев родителей, я тут же спросил куда подевался лисёнок.

- Не волнуйся милый, я покормила его, он лежит у нас в спальне, боялась тебя разбудить. Ходить не может, еле встает на здоровые лапы и тут же заваливается, – мама держала в руках поднос с нарезанным сыром и фруктами.

Поднявшись в спальню к родителям, я увидел лисёнка на мягкой подстилке. Он не спал и как будто смотрел куда-то сквозь стену, уткнувшись носом в хвост. Увидев меня, он тихо заскулил и прижал уши к голове.

Медленно подойдя ближе к нему, я осторожно присел рядом и погладил малыша по голове. Какой он удивительно яр-

кий, как солнце. Мне тут же захотелось дать ему имя, которое вертелось огненным шариком у меня на языке. Назову его Винс. В честь такого же пламенно-рыжего человека, чьи полотна я так любил.

Просидев некоторое время с лисёнком, я дал ему привыкнуть к себе, и уходя, повернулся к животному и жестом сказал ему:

- Я твой друг, не нужно меня бояться.

Лисёнок повернул набок свою маленькую голову и удивлённо на меня посмотрел. Первый раз без страха в глазах.

Схватив на лету кусок тёплого хлеба и сыра, я помахал матери и выбежал на улицу. Сегодня работа на плантации отменялась, так как вся семья готовилась к приезду гостей. Под навесом я нашёл свой старый велосипед и запрыгнув на него, выехал на дорогу. К обеду нужно привезти молока и творога с соседней фермы синьоры Беатриче. Если приглядеться, можно увидеть маленькую красную крышу их дома прямо с моего окна. На велосипеде совсем недолго добираться.

Солнце ослепляло, а ветер трепал мои волосы приводя их полный беспорядок. И я был счастлив в эту минуту. Покой и тишина в душе разбавлялись шуршанием камней под колёсами велосипеда и лёгким свистом тёплого ветра в ушах.

Быстро доехав до фермы, я набрал полную сумку продуктов и помахав синьоре рукой, поехал обратно к дому.

- Алессио! – Брат стоял на террасе, и прикрывал глаза от солнца.

- Помоги мне принести стулья и накрыть стол, через пару часов всё должно быть готово. Мне ещё нужно принести вино с погреба.

Небо к обеду стало совсем безоблачным, теплый ветер те-ребил края скатерти на столе и свежесрезанные розы в большой вазе.

Я не очень любил суету, поспешив разделаться со всеми делами, я уединился в комнате со своим новым другом. Поглаживая его по мягкой шёрстке, я разглядывал альбом с ре-продукциями итальянских импрессионистов. Урчание жи-вотного было словно музыка для ушей. Кажется, малыш ко мне привыкает, уже и не боится почти. А при виде меня у него начал еле видно подрагивать кончик хвоста. А это что-то да значит.

- Алессио, приведи себя в порядок сынок. Гости скоро бу-дут, - раздался голос матери.

Отложив альбом, я порылся в шкафу и достал белое поло и синие джинсы. Уложив гелем непослушные волосы, я спу-стился вниз. Вокруг царила суматоха, синьора Энрика рас-ставляла последние блюда на столе, а Микеле с отцом играли в шахматы и громко смеялись. Микеле опять проигрывал, отчего отец без устали над ним подшучивал. Сквозь смех я услышал, как со двора раздался шум подъезжающей маши-ны.

- Приехали, приехали. Мальчики выходим встречать го-стей,- мама скинула фартук и поправляя волосы, вышла из

дома. Мы всей гурьбой вышли следом за ней.

Из белой машины, стоявшей у крыльца, вышел профессор с широкой улыбкой на лице и раскрытыми объятиями. В лучах солнца его ослепительно белый костюм тройка сверкал как начищенный алмаз. А добрейшая улыбка и очки на кончике носа мигом вернули меня в детство, когда я часами просиживал рядом с профессором, слушая его рассказы о художниках.

- Моя прекрасная Энрика, ты хорошеешь с каждым днём всё больше и больше, ну как перед тобой устоять, - синьор Армандо нежно обнял матушку и поцеловал её руки, при этом бережно придерживая за плечи, как юную девушку.

- Армандо, старый льстец, давно тебя не видели, очень рады, - отец подошёл к гостю и крепко его обнял. Вскоре взгляд учителя остановился на мне.

- Алессио, парень, как же ты вырос, подойди же я на тебя посмотрю, - взяв меня за руку профессор оглядел меня с ног до головы и крепко обнял, бережно похлопывая по спине.

Задняя дверь машины открылась и из неё вышла молодая девушка в светло-голубом платье. На лице читалась неловкость и лёгкое стеснение.

- Ребята наверно и не помнят мою дочь, по сколько вам было, когда вы виделись? Лет по пять, да Энрика? Снова придётся вас знакомить. Это моя дочь Альда, - профессор взял девушку за руку и провёл её вперёд. На лице мужчины сияла гордость и нежность.

- Красавица, вся в свою мать, - Синьора Энрика торопливо подошла к девушке и порывисто её обняла. Кажется, Альду немного смутила страстная натура матушки. Ничего, скоро привыкнет.

- Этот чудесный парень с кудрявой чёлкой – Алессио, мой ученик, я тебе часто о нём говорил.

Взгляд золотисто-карих глаз остановился на мне. Я кивнул ей и улыбнулся.

- А этот сорванец - Микеле, старший брат Алессио, посмотри, как они похожи.

Поздоровавшись и обнявшись со всеми членами семьи, гости прошли следом за хозяевами в дом. Родители не умолкая расспрашивали профессора о том, как прошла их дорога, как погода в Риме и как долго они смогут у нас погостить.

Я слегка отстал от толпы и шёл самым последним. Впрочем как и всегда. Мой взгляд всё время возвращался к идущей впереди меня девушке, Микеле о чём-то оживлённо разговаривал с ней, идя рядом. Неожиданно я услышал своё имя, кажется она спросила обо мне. Брат ей что-то ответил и она, слегка повернув голову посмотрела на меня. Наверно её удивило, что я не проронил ни слова, и Микеле сказал ей, что объяснятся я могу только жестами.

В очередной раз я почувствовал себя каким-то ущербным и неловким. Никто и никогда в моей семье не давал мне чувство того что я неполноценный, но почему-то сейчас увидев её взгляд я ощутил себя именно таким. Как будто в её гла-

зах я должен был быть совершенным и идеальным абсолютно во всём. Под стать ей. Девушка была невероятно красива. В ней чувствовалась порода. Волосы цвета тёмного дуба падали волнами на спину и переливались на солнце, как вода в озере. Оливкового цвета кожа, большие миндалевидные глаза и пухлые губы идеальной формы.

- Невероятное лицо, - подумал я, и в мыслях мелькнуло желание нарисовать её образ. Пока она ещё здесь это могло быть возможным. Это желание схватить увиденную мной красоту и запечатлеть её пока она перед глазами, порой походило на помешательство. Бывало, что просто по пути, увидев что-то особенное, я бросал свои вещи и садился рисовать, трясущимися руками разводя краски. В такие моменты я боялся опоздать, не успеть запомнить то что меня поразило. Я совсем не доверял своей памяти. Ни на минуту.

Синьора Энрика радушно показала гостям их комнаты и пригласила к столу.

Нас с Микеле посадили напротив Альды и профессора, родители сели во главе стола.

- Дорогая Энрика, ты как всегда постаралась на славу, мы дико голодны с дороги, Альда посмотри какая красота на столе. И ведь продукты все местные, с этой плодородной земли. Так, а где же ваше прекрасное вино? – профессор подмигнул отцу и поднял свой пустой бокал.

- Армандо подставляй скорее, лучшая бутылка с погреба для моего дорогого гостя, ящик специально для тебя стоит

в кладовой, заберёшь с собой в Рим. Там такого вина ты не найдёшь, - отец разлил по бокалам вино, и мы дружно выпили за встречу.

За всей этой болтовнёй я изредка поднимал глаза и смотрел на девушку. Она аккуратно ела и спокойно отвечала на вопросы, которыми засыпали её мои родители. Когда я опускал глаза в тарелку, тут же чувствовал на себе её изучающий взгляд.

- Алессио, мне не терпится посмотреть твои новые работы и обсудить их. Кстати я привёз тебе подарок, замечательнейший мольберт и кисти, - профессор посмотрел на меня ласково и подмигнул мне.

- Спасибо синьор, я ждал с нетерпением вашего приезда, - сказал я, жестикулируя. Повернувшись я наткнулся на взгляд Альды и почувствовал себя неловко, мне показалось, она посмотрела на меня как на какую-то диковинную зверюшку.

Остаток обеда я не поднимал взгляд от тарелки, и как только мы закончили, и гости разошлись отдыхать по своим комнатам, я поднялся к себе, закрыл дверь, сел на край кровати и выдохнул. Мне всегда тяжело давалось знакомство с новыми людьми. Чувство неловкости от того что я не мог выразить свои мысли словами, заполняло меня до краёв. Именно поэтому после обучения я сразу вернулся домой, даже не пытаясь задержаться в шумном городе. Я думаю, ни Рим, ни люди, живущие в нём, ничего от этого не потеряли.

Покормив лисёнка, я сел за свой стол и достал приготовленную заранее папку с моими рисунками. Следовало лечь и отдохнуть, но я с нетерпением ждал разговора с профессором. Полтора года он не приезжал к нам, последний раз я видел его в Риме, когда, закончив обучение собирался уезжать.

Взяв альбом с репродукциями, я упал на кровать и открыв его продолжил разглядывать рисунки. Но мои мысли постоянно возвращались к дочери профессора. Её лицо взволновало меня и вызвало непонятное мне чувство в сердце. Отбросив альбом, я зарыл пальцы в волосы и уставился в потолок. Ничего особенного я в нём не увидел, обычный белый потолок, но сейчас он казался совсем другим.

Глава 4 Долина

Приближалось моё любимое время суток, ближе к вечеру я всегда ходил рисовать. Надев шляпу и прихватив рюкзак, я погладил лисёнка, который уткнулся мокрым носом в мою ладонь и шустро завилял своим пушистым хвостом, подметая им всё вокруг себя.

Спустившись вниз я увидел отца и профессора, пившими чай на террасе.

- Алессио, мальчик мой, ты пошёл рисовать в долину?

Я утвердительно кивнул и помахал им рукой.

- Сынок подожди, возьми с собой Альду, она как раз хотела прогуляться, - профессор встал и зашёл в дом, выкрикнув имя дочери

Я снял шляпу, положил её на стол и уселся в кресло, кинув рюкзак к ногам. Дневная жара почти спала, и запахи трав и цветов, приносимые ветром с полей, стали лучше ощущаться.

Спустя несколько минут девушка вышла на террасу, на ней были льняные брюки и блузка с открытой спиной, а на голове она придерживала шляпу с широкой голубой лентой.

- Привет, - Альда подошла ко мне и мягко улыбнулась.

Я улыбнулся ей в ответ и сделал знак мужчинам, что мы уходим. Профессор давно уже изучил язык немых, в своё время мы много занимались живописью, и он постепенно

стал понимать всё, что я говорю. Но Альда, судя по всему языка не знала и чувствовала себя неловко, когда я что-то говорил. Она с нескрываемым любопытством смотрела на мои руки и губы и пыталась хоть что-то понять.

Солнце клонилось к закату, цветы в округе тонули в тёплом розовом свете, пахло земляникой и лимоном. Я медленно шёл, засунув руки в карманы брюк. Девушка старалась не отставать, хоть и останавливалась каждую минуту чтобы что-то рассмотреть и потрогать.

- Здесь очень красиво, - немного помолчав сказала она, - В большом городе забываешь о том, как хорошо в таких отдалённых уголках, где почти никого нет и тихо так, что можно услышать стук собственного сердца. Боже, какие прекрасные цветы, очень необычный цвет.

Девушка пыталась заполнить каждую секунду тишины словами. Как будто она давила на неё. Поэтому и говорила без остановки. И я понимал почему.

Когда я учился в Риме один знакомый парень с моего курса, сидя со мной холодным вечером за бутылкой вина и мольбертом, рассказал, что он испытывал, находясь рядом со мной:

- «Я не знаю почему, Алессио, но тишина рядом с человеком, который не может сказать ни слова, очень тяжёлая. Это не та тишина, когда ты один, или когда рядом с тобой тот, кому нечего сказать. Это не так просто. Я хочу, чтобы ты знал и понимал людей, которые в разное время оказывают-

ся рядом. Я знаю, что тебе порой действительно трудно молчать, но не только тебе. Поэтому не удивляйся, когда человек рядом с тобой начинает много болтать, ему просто страшно. Он боится этой тишины. Она подавляет. И не так просто научиться с этим жить.»

Вот и сейчас я наблюдал эту тихую панику в глазах девушки. Она боялась меня.

Достав из рюкзака телефон, я набрал текст и протянул Альде.

- «Эти розы посадила моя бабушка, у них острые шипы, не порань руки.»

Прочитав это девушка как будто выдохнула с облегчением

- Спасибо что предупредил, пойдём дальше?

Я кивнул и двинулся в сторону пруда в долине. Я подумал о том, что гостье нужно показать не только землю, но и воду.

Лёгкий тёплый ветер играл с волосами девушки, и запах её волос щекотал мне ноздри, разливаясь приятным теплом в груди. От резкого порыва ветра шляпка слетела с головы Альды и полетела вперёд.

Я, не раздумывая, сорвался с места и побежал, пытаюсь поймать её, на краю долины мне наконец удалось опередить эту невидимую гонку с ветром и она оказалась в моих руках. Я повернулся к девушке и отряхнув шляпу протянул её ей. Взяв шляпку, Альда бросила взгляд за моё плечо и замерла.

- Боже, это прекрасно, только посмотри...

Я знал, что она увидела. Это было моё самое любимое ме-

сто на плантации. Мы стояли на возвышении у старого лимонного дерева, а внизу открывалась долина, заполненная до краёв солнцем, цветами и всеми возможными красками, и оттенками. Чтобы навести похожие тона в своей палитре я тратил много сил времени, в реальности это возникало из воздуха, или сочилось с неба, меняясь от одного цвета к другому за доли секунд. Вдалеке сверкало озеро, как новенькое зеркало под лучами солнца.

Я с гордостью посмотрел на девушку. Словно я сам был создателем этих чудес.

Перехватив мой взгляд, она засмеялась.

- Здесь ты рисуешь, да? Я бы хотела посмотреть твои работы, ты же покажешь мне их, Алессио?

Я медленно кивнул и достав телефон, набрал текст

- «Пойдём к озеру?»

Прочитав, девушка закивала и пошла вперёд, её щёчки порозовели, а дыхание стало учащенным.

Спустя десятки земляничных деревьев, роз, и олив мы наконец вышли к озеру. Девушка сняла с себя шляпу и бросила её на траву. Потянувшись и разведя руки в стороны, она подставила лицо солнцу и глубоко вздохнула.

- Я хочу пройтись вдоль озера, ты не против? – она посмотрела на меня, прикрыв ладошкой глаза.

Я кивнул и улыбнулся. В молчании мы пошли вдоль воды, любуясь золотистой рябью на водной глади. Подойдя к самому краю воды, девушка как будто застыла.

- Я очень люблю воду, - прошептала она и снова замолчала.

Она присела у кромки воды и тонкой ладонью слегка коснулась маленьких волн, как будто гладила голову ребёнка. Из проплывающего облака резко вырвался луч солнца и забился бликами на её лице.

- Коснись пальцами, только слегка, не погружая руку в воду, как я, - в ожидании она посмотрела на меня.

Я присел рядом и повторил её движения.

- Чувствуешь? Как будто энергия переходит в кончики пальцев и заполняет тебя?

Я кивнул, ощущения правда были похожи. Или всё дело в ней? Вода отразилась в её прекрасных глазах и заполнила их до краёв.

Если бы я мог говорить... Из груди вырывались тихие, еле слышные хрипы. Нутро трещало по швам от охвативших меня чувств. Первый раз в жизни я по-настоящему пожалел, что не могу выпустить из груди слова, за секунду упавшие на сердце, тяжёлым неподъёмным камнем.

Я хотел говорить. Сейчас...Здесь... Говорить, говорить, говорить с НЕЙ. Как будто пить взахлёб ледяную воду с чистейшего девственного ручья после столетней засухи.

- Алессио, ты хотел порисовать, можно я сяду рядом и буду смотреть?

Я кивнул. Чтобы успеть нарисовать хоть часть картины, нужно было начинать именно сейчас. Солнце вскоре скло-

нится к закату.

Разложив мольберт, краски и кисти я надвинул шляпу на глаза. Девушка присела рядом на заранее расстеленное мной покрывало.

- Маленькая, я очень любила смотреть за тем как отец пишет картины. Один раз, когда он отвернулся, я залезла пальцами в краску и попыталась сделать его рисунок лучше, там было что-то вроде городского пейзажа, мне показалось это очень скучным. И я нарисовала хрюшку и кота. По-моему, это был Париж. Представляешь на улице Парижа гуляющую свинью. Ох и влетело мне тогда от него, - девушка посмотрела на меня, и мы засмеялись. Смех её был похож на трель звонкого соловья. Я же смеялся беззвучно.

Сосредоточившись, я на некоторое время забыл о присутствии девушки. Уйдя в себя, я начал делать наброски, а затем остановился. Чего-то не хватало. Взяв в руки телефон, я быстро набрал текст и повернувшись к девушке показал ей экран.

- «Можно тебя нарисовать?»

Смесь удивления и нерешительности появилась на её лице на несколько секунд. Прикусив губу, она посмотрела на озеро, а затем на меня.

- Хорошо, - от её улыбки на щеках появились ямочки, которых я раньше не замечал.

- «Сядь пожалуйста у озера, я сейчас постелю тебе покрывало поближе.»

Прочитав то что, я написал, она кивнула и встала, разглаживая брюки.

Быстро расстелив покрывало, я жестом показал ей сесть. Легко коснувшись её тонкой руки, я положил её ей на колени, за спиной девушки рос большой куст белых роз, показав, как ей стоит повернуть голову, я слегка отклонил её плечи назад и несколько цветков коснулись тонкой шеи девушки. Удовлетворенно осмотрев представшую моему взгляду картину, я сел за мольберт.

Альда видимо позировала не первый раз. Ничего удивительного, ведь она была дочерью художника. Слегка опираясь на левую руку, она сидела в пол оборота, и смотрела на озеро. Её изящный профиль и тонкий нос вызывали восхищение в моей душе. Чего-то не хватало, и я знал чего.

Набросав сообщение на телефоне, я показал девушке.

- «Я отойду на минуту, мне нужно кое-что взять. Подожди меня пожалуйста и не вставай. И очень прошу не вздумай нарисовать на холсте хрюшек.»

Звонкий смех раздался в тишине

- Я обещаю Алессио, не сдвинусь с этого места.

Забежав в рощу, я отломал несколько ветвей оливы и вернулся обратно. Положив их на колени девушки, я наконец сел за холст и начал рисовать.

Солнце висело в небе и походило на назревший апельсин, румянец на щеках девушки перемешивался с закатными бликами, делая её лицо бронзовым.

Спустя какое-то время, как будто очнувшись, я увидел, как рука девушки, на которую она опиралась, слегка подрагивает. Взглянув на экран телефона, я понял, что прошло два часа и Альда конечно же устала. набросок я закончил, больше мучить девушку не хотелось.

Встав из-за мольберта, я подошёл к ней и показал жестом, что можно собираться. Альда ни слова ни сказала о том, что устала. Вытянувшись во весь рост, она помассировала руки и глубоко выдохнула.

- Это была чудесная прогулка Алессио, спасибо.

Я посмотрел в её глаза и наклонил голову. Мне не хотелось уходить, я хотел остаться с ней наедине как можно дольше. Как голодный зверь, не евший неделями я испытывал дрожь по всему телу. Но я хотел не еды, я жаждал её присутствия рядом. Девушка странно посмотрела на меня и начала складывать покрывало.

Я же, не торопясь собрал все вещи, уложив в свой рюкзак. Затем кивнул девушке, показывая, что мы можем идти домой.

Обратный путь мы провели в полной тишине. Или Альда устала, или задумалась о чём-то своём, но до самого дома я больше не слышал её голос ни разу.

- Дети пришли наконец, - синьора Энрика всплеснув руками выбежала нас встречать.

- Алессио, вас не было очень долго, я уже подумала не успеете к ужину. Альда, дочка ты наверняка очень устала?

Обувь у тебя не совсем удобная, надо было тебе дать что-то получше, а я не уследила. Мой сын может сутками ходить по долине, для него это дело привычки, а вот тебе это в новинку, правда?

Девушка скромно улыбнулась, показывая свои ямочки на щеках.

- Всё в порядке синьора, мы отлично прогулялись, у вас здесь очень красиво, я под впечатлением.

- А под каким ты будешь впечатлением от моей пасты, дорогая! Идите скорее мыть руки и будем садиться за стол.

Мамино радушие окутывало всех кто был рядом с ней.. Из дома раздавался раскатистый смех профессора и отца, Микеле вынес на террасу два стула и недовольно на меня посмотрел. Я понял почему. Ему не понравилось, что девушка столько времени провела в моём обществе, хотя он планировал устроить ей экскурсию к нашим винным погребам. Неужто это ревность? Брат привык, что местные итальянки кружились вокруг него стаями, а тут такая красавица и где-то ходит с его немым братом.

Наскоро приведя себя в порядок и переодевшись, мы уселись за стол, который просто ломился от еды. Синьора Энрика и вправду приготовила своё фирменное блюдо под лучшее белое вино с нашей винодельни. Альда по-прежнему сидела напротив нас с братом и попробовав еду, не удержалась от восхищенного вздоха и комплиментов в сторону золотых рук моей матушки.

- Алессио, сынок, завтра Микеле с Альдой и Винченсо отправятся на плантацию. Я что-то слишком стар для таких прогулок под палящим солнцем, поэтому никуда не убегай с утра, позанимаемся и обсудим твои работы.

Профессор поднял бокал вина над головой и отсалютовал мне.

Я не сдержал счастливой улыбки, благодарно кивнув профессору.

- Я видела в вашем доме лисёнка, думала мне померещилось, но нет. Он бегал по кухне и вилял хвостом, как самый настоящий пёс, - голос Альды был полон восторга и детской радости.

- Алессио на днях нашёл его в долине со сломанной лапой, сердце у моего мальчика глубокое и тёплое, прибежал с ним на руках, замотанным в покрывало, а у самого слёзы на глазах. Только поставили на ноги, хромает правда ещё, - мама погладила меня по руке и подлила вина в мой бокал.

- Он даже имя дал бедному животному, - Микеле засмеялся и покосился на меня

- Да? И какое же? - Альда со смехом посмотрела на меня

- Винс, - ответил за меня брат.

Профессор засмеялся, услышав Микеле.

- Тут и гадать не нужно в честь кого назвал да? Одобряю, одобряю

В весёлых слегка хмельных глазах профессора плясали огоньки.

- Кстати я привёз тебе пару замечательных репродукций Ван Гога, думаю, как истинный поклонник ты оценишь. И лису своему непременно покажи, ему должно понравиться творчество тёзки.

Мы еще долго сидели за столом, шутили, смеялись, выпили много вина, съели всю мамину пасту подчистую и разошлись по комнатам. Ночь опустилась на землю тёплым сверкающим одеялом. И не смотря на бурю эмоций в душе, уснул я быстрым и глубоким сном.

Глава 5 Учитель

Что-то горячее и мокрое ткнулось мне в руку, потом ещё и ещё, по лицу начали проводить чем-то большим и мохнатым, сквозь сон я начал размахивать руками и резко подскочил в кровати.

Наглый маленький лис забрался в мою постель и с тихим скулением бил своим хвостом по моему лицу. Вот же чудо рыжее. Сквозь шторы пробивался солнечный луч и кусок синего неба.

Потянувшись во весь рост, я направился в ванную. Поставив несколько минут под ледяным душем, я почувствовал себя вполне бодро, несмотря на то, что спал беспокойным сном почти всю ночь. Расчесав волосы пальцами на ходу, я сбежал с лестницы и оказался на освещенной солнцем кухне. В тёплом воздухе плыл терпкий запах кофе и бекона.

- Доброе утро сынок, - матушка, привстав на цыпочки поцеловала меня в лоб, - присаживайся к столу, вот твой завтрак. Гости встали сегодня очень рано, позавтракали и Альда уехала на плантацию с твоим отцом и братом. Синьор Армандо на террасе пьёт кофе и читает газету. Ступай к нему, он тебя ждёт.

Кивнув и поблагодарив матушку, я приступил к завтраку. День обещал быть жарким, на кухне было душно, несмотря на совсем ещё не позднее утро.

После завтрака я покормил своего пушистого друга и вышел на террасу. Профессор сидел в плетёном кресле вытянув ноги, его светлую льняную рубашу трепал легкий ветер, на глаза была надвинута широкополая белая шляпа, раскрытая газета лежала на краю стола и ветер тихо перелистывал её страницы.

Отодвинув стул, я сел рядом с ним и также вытянул ноги. Слегка приподняв пальцем край шляпы, учитель взглянул на меня одним глазом.

- Доброе утро мальчик мой. Как спалось?

- «Замечательно», - ответил я

- Сегодня будет прекрасный день, я уже это вижу. Не хочу проводить нашу беседу в стенах дома, предлагаю сходить на озеро. Возьми с собой все новые работы и инструменты. А я спрошу у твоей матушки корзину для пикника, на обед мы скорее всего не успеем, этот бодрящий свежий воздух каждый час пробуждает во мне зверский аппетит,- похлопав меня по плечу, профессор прошёл на кухню.

День сегодня и правда был хорош, я шёл рядом с учителем, всё во мне пело и ликовало. Синьор Армандо был ослаблен и наслаждался здешним воздухом, глубоко и шумно дыша.

- Ты знаешь, после большого города, с тысячами машин этот запах мне кажется пищей богов. Хочется порезать и положить на золотое блюдо. Может быть глупый вопрос, но всё же. Ты не скучаешь по городу?

- «Нет» - ответил я, - «вы же знаете, как тяжело далась мне эта учёба».

- Помню мальчик мой. Я помню, что среди людей ты так и не смог найти своё место. Но я считаю, что ты можешь больше. Я не раз тебе об этом говорил.

Немного помолчав, он продолжил:

- Может тебе это покажется странным, но ты напоминаешь мне самого себя, лет этак двадцать назад. Да, конечно у меня не было проблем с речью, и я никогда не чувствовал себя чужим в обществе. Но после смерти жены всё поменялось. Всё встало с ног на голову всего за один день. Именно с того момента я стал писать картины как сумасшедший. Ушёл в себя. Живопись стала для меня пластырем, который закрывал огромный шрам размером с меня самого. И, знаешь, мне помогло. Этот пластырь стал новой кожей. И я выжил.

С этими словами синьор Армандо встал, прислонившись к дубу на краю холма. Перед нашим взором как на ладони сияло буйство красок и света.

- Замечательно... – профессор повернулся ко мне, засунув руки в карманы. Его изучающий, задумчивый взгляд прошёлся по моему лицу, рукам и остановился на лимонном дереве за моей спиной.

- Я знаю, что ты мучаешься из-за того, что не такой как все. Хоть и тщательно скрываешь это. Ты думаешь тебе нечего сказать этому миру, потому что ты не умеешь говорить?

— он улыбнулся, наклонив голову набок, и посмотрел мне в глаза. Я был сбит с толку этим вопросом, и как выброшенная на берег рыба быстро дышал, смотря вокруг себя, лишь бы не видеть взгляд учителя.

- Алессио, ты должен понять самое главное. Если ты обретёшь голос, ты не станешь таким, каким тебя хотят видеть окружающие, по твоему мнению. На последних словах учитель сделал ударение. Потому как языком управляет это — профессор тронул пальцем мою голову, - и это,- теперь его рука лежала на моей груди. Его ладонь была тяжёлой и тёплой.

- Именно это отличает тебя от многих других людей. И когда ты начнёшь говорить, это будет заметно ещё больше чем сейчас...

Немного помолчав, учитель взглянул на небо.

- Солнце смотрит нам прямо в макушку, пойдём к озеру, скоро настанет время теней, - синьор Армандо выдохнул и с удивительной для своего возраста сноровкой спрыгнул с холма и пошёл вниз по тропинке.

Я улыбнулся. Время теней, как называл их профессор, было любимейшим для нас явлением солнечного дня, когда солнце переваливало за полдень, и на земле отражались блики от листьев и цветов. Свет и тень лучшие учителя и создатели, говорил он. И я был с ним полностью согласен.

Спустя некоторое время мы сидели с профессором на берегу озера. На большом покрывале я разложил свои послед-

ние работы и с волнением наблюдал как синьор Армандо, водрузив на нос очки в золотой оправе, внимательно рассматривал каждую.

- Ты начал писать портреты, похвально мой мальчик.

Показывая на лист, я начал объяснять:

- «Это наш садовник Альберто, вы его наверняка видели. Его жена ушла от него, забрав вместе с собой дочь. И он приехал к нам, как старый знакомый отца. Уже больше десяти лет живёт с нами. У Альберто самые лучшие розы в Лукке.

- И очень мудрые глаза? – приспустив очки на нос, профессор пристально посмотрел на меня, - ты хорошо нарисовал морщины на лице, особенно возле глаз, сделал правильные оттенки. А что с его рукой?

На картине одна рука мужчины висела безвольной плетью вдоль тела.

- Обварил в кипятке по молодости, она почти не рабочая. Весь сад держится на одной его правой руке.

Отложив очки в сторону, синьор Армандо потёр переносицу и замолчал.

- Я не буду больше учить тебя сынок, с твоей техникой всё в порядке. Теперь ты единственный создатель и судья того, что выходит из твоего сердца и из-под твоей руки. Ты обличаешь это в формы и наполняешь цветами. Чему я мог тебя научить, тому уже научил. Ты черпаешь от природы всевозможные человеческие эмоции. Так как получает их обычный человек, проживая свою жизнь и встречая людей, любя,

ненавидя, и обожествляя их. А ты видишь это в рассветах и закатах, в цветах и тумане. Всё вокруг тебя как одна большая пульсирующая вена, из которой ты выжимаешь жизнь по капле и сам живёшь этим, - учитель снова взглянул на портрет.

- Я вижу тебя самого через твои рисунки. Не факт, что именно с этими эмоциями на лице ваш садовник ухаживает за розами. Но ты проник в его душу, когда писал этот портрет, достал из него это, вытянул и бросил на лист. И знаешь о чём я думаю? Увижу ли я этот взгляд на его лице, когда посмотрю сам в эти глаза? Мне кажется я даже расстроюсь и буду обескуражен, если этого не случится.

- «Почему?» - спросил я

- Потому что я пойму, что не могу увидеть настолько глубоко душу человека, как это способен видеть ты. Это странно звучит да? Но именно это и есть наивысшая похвала для художника. Это дар. Дар не просто хорошо рисовать, соблюдая все правила и художественные нормы, дар - видеть то, чего не видят другие, и позволять увидеть это другим через свои творения. Ты как бы говоришь своими рисунками: Ты не видел этого? Тогда я тебе покажу.

Профессор на минуту замолчал,

- А розы у вас и правда шикарные, мой садовник бы восхитился. Он и с двумя руками еле справляется.

Следующие несколько часов мы говорили обо всём и ни о чём. Я сделал набросок пейзажа вместе с учителем, и мы с

удовольствием поели булочки с сыром, запивая их вином.

- Когда совершенно выбьюсь из сил, перееду жить к вам. Лучшего окончания жизни и не придумать, - проговорил сеньор Армандо на обратной дороге к дому, - дочь сперва следует выдать замуж и дожждаться внуков. У тебя нет девушки Алессио? Твоё сердце покорила какая-нибудь из местных знойных красавиц?

- «Нет, я как-то не думаю об этом.»

Профессор лукаво на меня взглянул и начал что-то тихо напевать себе под нос.

Глава 6 У любви чёрное лицо

Дом встретил нас тишиной и спокойствием. Альда сидела на террасе в лёгком белом сарафане и пила холодный лимонад с высокого запотевшего стакана. Рядом с ней сидел Микеле, небрежно расставив ноги с книгой в руках.

- Ну как вы прогулялись дорогая? - профессор ласково поцеловал девушку в лоб и присел рядом с ней.

- Чудесно папа, только я очень устала, весь день провели на ногах. Конечно я не увидела плантацию целиком, она просто огромная. И погреба меня очень удивили. Ты видел какие там огромные бочки? И этот запах сырости и дуба... Мы недавно вернулись, я совсем без ног. Микеле решил прочитать мне немного о технологии изготовления вин. Ленивое образование, – девушка улыбнулась, обнажив острые зубки.

- Ты очень старательно слушаешь, но твои глаза закрываются каждую минуту, не думай, что я не заметил, - брат прищурился и с улыбкой посмотрел на девушку.

Скинув рюкзак на пол, я встал в тени, прислонившись к колонне. Взгляды Микеле, изредка бросаемые в сторону девушки я заметил сразу, и мне это не понравилось. На миг я встретился глазами с братом и он, подмигнув мне, усмехнулся, будто прочитал мои мысли.

- Так молодёжь, расходимся. Я с непривычки чувствую каждую мышцу в теле, умотал Алессио старика. Нужно от-

дохнуть, тебе милая это тоже не повредит. Теперь ты всё знаешь о вине, будешь моим личным консультантом при выборе вин, и может быть даже, я буду тебе за это платить - профессор засмеялся и обняв дочь за плечи, вошёл в дом.

Мы остались с Микеле наедине. Он молчал, смотря вслед ушедшим. Затем встал и слегка толкнув меня плечом, сказал - Я думаю, девушкам больше нравится вино чем картины, Алессио. Учись у меня, как нужно привлекать внимание женщин.

Засмеявшись, он похлопал меня по плечу и прошёл в дом. Сжав зубы, я снял шляпу с головы и пошёл вслед за ним.

Поднимаясь по лестнице в свою комнату, я ощущал непривычный мне прилив злости. Хотелось крушить, рвать и метать. Скинув с себя вещи, я быстро зашёл в душ и включил ледяную воду.

Повернувшись к стене, облокотился на неё руками и наклонил голову, вода бежала по лицу нескончаемым потоком. Я не чувствовал холода и будто не дышал. Что со мной? Почему я не могу успокоить эту бурю внутри? Что не так?

Всю мою жизнь главной проблемой для меня было то, что я не мог говорить. И поэтому я был изгоем среди своих сверстников. Сначала в школе, потом в университете. Перешёптывания и обсуждения за спиной преследовали меня всегда. В школе надо мной издевались с удовольствием, потому что знали, ответить я не смогу. Гора невысказанных слов за то время скопилась в моей душе, и чуть не похоро-

нила меня под собой. Это продолжалось долго, но однажды я сорвался, не выдержал. В тот день мой обидчик после удара об стену очень долго собирал трясущимися руками по полу свои зубы.

Больше ко мне никто не подходил, нет, они не стали бояться меня. Они просто поняли, что я ещё больший чудак, чем они думали, и с головой у меня явно непорядок.

Окончательно остыв и замёрзнув, я вышел из душа, и обернул полотенце вокруг бёдер. В задумчивости встав посреди комнаты я поймал свой взгляд в отражении зеркала и подошёл к нему ближе. Был ли я красив? Впервые я подумал об этом, глядя на своё отражение. Смуглая кожа, чёрные глаза, полные губы и шрам на подбородке. Широкие плечи, крепкое телосложение дались мне от природы, как и непослушные волнистые волосы, спадавшие на лоб волнистыми прядями. Мои волосы моё мучение и наказание. Они словно жили по своим законам и ложились так как это нужно было им, а не мне. Такие же непослушные локоны были у моей матушки. Но ей было проще, она заплетала свою гриву в косы и собирала их под сеткой, мне бы такая причёска явно не пошла.

Натянув спортивные брюки и чёрную футболку, я посмотрел на лист, выбивающийся из папки, лежащей на столе. Вытянув его за кончик, я стал рассматривать набросок портрета Альды, нужно его быстрее закончить. Капля воды с мокрых волос соскользнула и упала на лист. Большим пальцем

убрав воду я поднял голову и посмотрел в окно. Я никогда не задвигал шторы, любил открытые окна. Без солнца жизнь казалось серой, потерянной и безликой. Мне всегда нужен был свет, он освещал самые тёмные углы моей молчаливой души, хоть как-то меня с ними примиряя.

Схватив со стола телефон, я сел на кровать и откинулся на спину. Разблокировав экран, я стал просматривать фотографии Альды. На прогулке, незаметно от неё, я сделал несколько снимков. Зачем? Да, я задал себе этот вопрос. И тут же ответил: чтобы закончить портрет. Мне нужно видеть черты её лица, хотя я боялся признаться самому себе, что стоит мне только закрыть глаза как я вижу каждую чётточку её лица, как будто она сидит прямо передо мной.

Зарывшись в подушку, я пытался усмирить стук своего сердца. Два года назад заканчивая последний курс университета в Риме, я любил ходить к моему другу парикмахеру Марио, чей салон находился в двух кварталах от моей квартиры. С моими волосами всегда происходила одна и та же история, от мастера я выходил в ладу со своей буйной головой, но после душа каждый волосок вставал в том направлении в каком хотел сам. Выбирать лучшего парикмахера в городе не было смысла, мою природу было не победить даже высочайшим мастерством. Поэтому ближайшая парикмахерская стала моей любимой. Марио был на несколько лет старше меня. Он относился ко мне с нежностью и теплом, так как сам был невероятно чутким и добрым человеком. Долгое время я

проводил у него после стрижки за чашкой кофе и беседами. На улице темнело, город зажигал фонари, а мы говорили обо всём и ни о чём одновременно. Как-то сидя у него в кресле, я заметил, что прежнего и привычного уже мне задора в глазах друга не было. Глаза его были черны, а уголки губ горестно опущены вниз. Он почти не говорил и не смотрел на меня. Я тронул его за руку, пальцы которой утопали в моих волосах, наши взгляды пересеклись в отражении зеркала.

- «Марио, что с тобой?»

Марио прекрасно знал язык жестов, его младшая сестра была глухонемой с самого рождения. Этот факт очень сильно объединял нас.

Осунувшееся лицо мужчины на секунду застыло.

- Я полюбил, Алессио. И я очень жалею об этом.

Сжав губы, он отвернулся к окну, скрестив руки на груди. Сделав глубокий вдох, как будто сдерживал внутренние рыдания, он продолжил:

- Её имя Патриция. Мы познакомились на карнавале в Венеции пару месяцев назад. Это было что-то нереальное. Она выделялась из всей этой толпы людей. Хрупкая фарфоровая кукла, дивная, чудесная красота. С первого её взгляда на меня, я растаял как мороженое под палящим солнцем. Круговорот людей вокруг, блеск фейерверка, и вскоре я потерял её из виду. Долго бродил всматриваясь в каждую женщину, но больше её не увидел.

Я думал, что нам не суждено было встретиться вновь. Но

как видно у Бога свои планы на нас. Одним пасмурным днём проплывая на лодке по каналу, я увидел её. Наши взгляды встретились, сердце стучало так как будто выпрыгнет и сразу камнем упадет на дно. Очень медленно мы проплывали мимо друг друга, наши лодки были так близки, что казалось они вот-вот врежутся друг в друга. Я встал как вкопанный, просто безмолвно застыл на месте. Тогда я почувствовал, что значит онеметь. И наверно так бы мы и разошлись в разные стороны, но Патриция быстрым движением подобрав подол своего платья, прыгнула мне в лодку. Представляешь?

- Меня зовут Патриция, - сказала она, так просто и легко. А в глазах огонь, пламя и солнце. Я в тот же миг отмер и заговорил с ней.

Руки Марио стали подрагивать, и он начал перекладывать свои инструменты на столе с места на место.

- Две недели безумной страсти, мне казалось я не отпускал её руку. Тогда-то я и понял, что пропал. Окончательно, без конца и без края. Но всему приходит конец, и эти прекрасные дни закончились. Мне следовало возвращаться домой, она же осталась в Венеции. Как тяжело я уезжал, как будто груз весом с целый поезд тащился следом за мной. Спустя месяц она позвонила, сказала, что приезжает в Рим, и возможно пробудет здесь несколько недель.

В день её звонка я выставил объявление на дороге, и стриг всех бесплатно. Я хотел поделиться радостью со всеми. Я так хотел, чтобы люди стали такими же счастливыми как я. А я

считал себя самым счастливым на свете, Алессио.

Снова взяв в руки ножницы, Марио отвёл от меня свои блестящие от боли глаза и продолжил свою работу.

- Она выполнила обещание, пришла. Только увидела совсем не то, что видимо ожидала, - Марио сглотнул, как будто у него пересохло в горле.

- Я до сих пор помню тот день, он никак не выходит у меня из головы.

Увидев её в дверях парикмахерской, я бросил всё что было в руках. Как будто ворота рая открылись передо мной... Прекрасная Патриция... Она оглядела эту комнату, каждый угол, затем посмотрела на меня. Снизу-вверх. На мои потёртые ботинки, брюки, белую майку со старыми подтяжками. Радость сменилась любопытством, любопытство удивлением, а удивление презрением. Последний взгляд был холоден и чужд мне. Как будто она одела маску с того венецианского карнавала. Красивое высокомерное лицо, покрытое чёрным золотом... Я замер на полпути к ней. А потом она сказала всего несколько слов, которые ударили меня так, что я еле устоял на двух ногах.

- Прости, кажется я ошиблась.

И ушла. Просто развернулась и ушла, Алессио...

Я не успел и слова сказать. Да и зачем. Ей не нужны были мои слова. Теперь нет. Кто я, и кто она? Разве прекрасной синьоре нужен нищий парикмахер из бедного квартала Рима?

Лицо Марио искривилось от душевной муки. Таким я его ещё не видел. Взяв ножницы, он встал за мою спину и продолжил стричь. Я неотрывно смотрел в его отражение в зеркале.

Окончив стрижку, Марио поднял на меня потухшие глаза.
- У любви чёрное лицо Алессио. Запомни это.

Спустя полгода, перед самым отъездом я пришёл к нему проститься. В руках у меня был подарок для дорогого друга, завернутый в пергамент.

Протянув картину другу, я сказал, что буду скучать. Развернув мой подарок, Марио словно застыл. Картина была выполнена в черно-белых тонах, и только фигура мужчины была наполнена красками. Комната парикмахерской, такая же как и всегда, у окна сидит мужчина и положив голову на руки, смотрит на улицу. В позе его усталость и грусть. На столе перед ним разложены инструменты, за спиной два пустующих кресла. Несмотря на своё одиночество и боль, мужчина по-прежнему смотрит в окно и ждёт, когда чьи-то ноги коснутся его порога. Он встанет, его улыбка озарит всё вокруг и снова наполнит красками. Я не знал поймёт ли Марио, каким я его видел и каким изобразил на куске холста.

А потом я услышал глухой мягкий стук. Слезы. Крупными тяжёлыми каплями они падали на картину из широко-распахнутых глаз друга. Я подошёл к Марио и взяв его за плечо, обнял. Моя душа была спокойна, я знал, что на его свет, рано или поздно придёт та, кто не оставит его никогда

в жизни. Он заслуживал гораздо большего, чем думал. Даже его мечты были скромны, как и сам Марио. Все мы боимся быть по-настоящему счастливыми.

Мои воспоминания прервались еле слышным стуком в дверь. Поднявшись с постели, я подошёл к двери и приоткрыл её. За порогом стояла Альда, взглянув на моё удивлённое лицо, она смущенно прикусила губу и спросила:

- Можно войти, я тебе не помешаю?

Я покачал головой и отойдя в сторону, пропустил девушку внутрь.

- Ооо... - раздался изумлённый возглас девушки. Она быстрым взглядом окинула комнату и приподняла брови.

Наверно ей показалось, что здесь живёт сумасшедший. Идеальный беспорядок - так я мысленно называл то, что происходило в моей комнате. Десятки репродукций картин висели на стенах, в углу стоял мольберт, подаренный профессором, рядом с ним стояло большое напольное зеркало в художественной раме. Напротив него большой стол, на котором огромный ворох бумаг, коробки с красками и карандашами. У ножки стола лежала гитара в чёрном чехле. Огромное окно во всю стену с белой невесомой как паутина шторой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.